

В.В. Лысенкова

Харьковская государственная академия культуры,
д. филос. н., доцент кафедры философии и политологии

МУЖЕСТВО КАК ВАЖНЕЙШАЯ СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ФИЛОСОФСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ

В статье автор поднимает проблему мужества и философского образа жизни. Осуществляются попытки определить истоки возникновения и сущность мужества мыслителей. Данная проблема анализируется в контексте развития мировой философии и науки. По этому вопросу существуют различные мнения. Уделяется внимание преодолению трудностей как элементу философского образа жизни. Исследователь приходит к выводу, что мужество помогает философу решать необходимые задачи.

Ключевые слова: мужество, истина, мудрость, творец, интеллект, философский образ жизни.

В.В. Лисенкова

МУЖНІСТЬ ЯК ВАЖЛИВІША СКЛАДОВА ЧАСТИНА ФІЛОСОФСЬКОГО СПОСОБУ ЖИТТЯ

У статті автор підіймає проблему мужності та філософського образу життя. Здійснюються спроби визначити витoki виникнення і сутності мужності мислителів. Подана проблема аналізується в контексті розвитку світової філософії і науки. З цього питання існують різні точки зору. Приділяється увага поборенню труднощів як елементу філософського образу життя. Дослідник доходить висновку, що мужність допомагає філософу вирішувати необхідні завдання.

Ключові слова: мужність, истина, мудрість, творець, інтелект, філософський образ життя.

V. Lisenkova

THE COURAGE IS A MOST IMPOTENT COMPONENT PART OF THE PHILOSOPHICAL MODE OF LIFE

In the article, the author raises the problem of the courage and philosophical mode of life. The attempts to define the sources of the origin and the essence of the courage of the thinkers. Given problem is analyzed in the context of promotion of the world philosophy and science. There exist different opinions on this question. The attention is paid to getting over difficulties as of element of the philosophical mode of life. The investigator concluded that courage helps to philosopher to solve necessares problems.

Key words: courage, truth, wisdom, creator, intellect, philosophical mode of life.

Актуальность разработки термина «философский образ жизни» предопределена потребностью общества гуманизировать социальные отношения, преодолевать глобальную отчужденность философского наследия от обыденных процессов и обыденного сознания. Социуму необходимо деликатно раскрывать философские наработки, дабы они выступали интегрирующим началом в мире повседневности. Этим философия должна восполнить роль, которую утратила наука, став пространством «терра инкогнита». К таким наработкам, без сомнения, относится и изучение философского образа жизни, который включает в себя систему устоявшихся проявлений деятельности, общения, отношений, поведения, жизненных позиций, характерных для каждого отдельного философа и в целом для всего философского корпуса.

В ходе длительных библиографических изысканий нами не обнаружены масштабные целостные концепции сущности философского образа жизни. Очень редко были встречены отдельные его упоминания (Т. Кампанелла, К. Ясперс, А. Лосев). По нашим сведениям, системные исследования самого термина и рассмотрение данного понятия не производилось.

В большей мере осуществлялась разработка понятий «жизненный мир», «жизненная сила», «жизненный путь» (А. Шюц, М. Мерло-Понти, Ю. Хабермас, Э. Гуссерль). Термин «жизненный мир» был введен в философию в начале XX века американским прагматистом У. Джеймсом. Затем к нему обращались Г. Зиммель, Э. Трелч, Р. Ойкен, Дж. Ройс. Термин имеет много трактовок, но чаще всего им обозначают мир повседневного опыта. Все эти термины работали в контексте анализа кризисов науки, философии, человечества в целом и поиска путей их преодоления.

В связи с этим необходимо изучение важнейших составляющих именно философского образа жизни, выявление его структурных компонентов, общих и отличительных особенностей в различные века, а также соотношение с научным, религиозным, художественным образом жизни.

Цель статьи. В данной публикации, базируясь на историко-философском материале, необходимо проработать одну из составляющих частей философского образа жизни – мужество философов, их потребность жить достойно, не поступаясь своей личностной и профессиональной честью. Как выявляет анализ, оно присуще большинству мыслителей и предстаёт в качестве императива. Мужество проходит красной нитью в их многочисленных сложнейших жизненных проявлениях. Соответственно общественным и социальным условиям путь каждого складывался специфически индивидуально, но тем не менее, как мы убедились, в большинстве своем в нем находилось место проявления мужества, достойного преодоления трудностей, личных драм, трагедий и общественных катаклизмов.

Исходным для нас является рассмотрение философского образа жизни как закономерной организации жизненного и творческого процесса философом, направленной на выявление сущностных характеристик мира.

Мужество – сложное морально-нравственное личностное качество. Оно выражается в способности действовать решительно и целесообразно в неоднозначной обстановке [4, с. 191]. Его многогранность проявляется такими компонентами как выдержка, самообладание, самоотверженность, стойкость, бесстрашие, смелость. Эти качества базируются на чувстве собственного достоинства, не позволяющем снизить планку требований к себе, допустить морально-нравственное унижение со стороны идеологических противников, быть сломленным обстоятельствами, кощунством скудоумцев и предателей, ложью обывателей и враждебностью мещан. Оно предусматривает проявление находчивости в отстаивании своих жизненных и философских позиций, в выборе способа действий и вынужденного противостояния краснобаям.

Как показывают исследования, с годами у философов вырабатываются навыки противоборства с наименьшими для себя потерями и продуктивной мобилизацией своих внутренних ресурсов. Позже формируется способность предвидеть усложнение ситуаций и, не теряя самообладания, по возможности избегать крайнего обострения противоречий.

Мужество пронизано волевыми качествами человеческой природы – психическими свойствами, воспитанными в детстве и юношестве. Античная мысль относала его к числу четырех кардинальных добродетелей наряду с умеренностью, мудростью и справедливостью. Со времен Платона длительный исторический период бытийствовала установка, что мужество присуще только представителям правящего класса и воинам. Но ход развития человеческого общества убедил, что это свойство психики общечеловеческое, результат целенаправленного воспитания и самовоспитания.

В период Нового времени мужество как нравственная мера в преодолении страха низводится с пьедестала и не рассматривается только как проявление воинской доблести. Усложнение общественного бытия расширило ракурс возможного проявления мужества и на другие виды деятельности. И. Кант утверждал, что в обществе существуют для личности больше опасностей, чем в воинских схватках, которые также требуют немалого проявления мужества. Современная трактовка соответственно декларирует увеличение его функциональных проявлений. Оно необходимо и при отстаивании своих мировоззренческих позиций, и защите личностных морально-нравственных принципов, и при утверждении границ собственного «Я».

Господство рыночных отношений востребовало мужество в проведении экономической, финансовой политики, твердости канонов в борьбе с конкурентами, отстаивании корпоративных интересов и при угрозах киллерских расправ. Мужество достойно сносить жизненные удары, противостоять стрессам, высоко держать ценностную планку, не брюзжать по поводу цепи неудач и поражений, уметь внутренне группироваться при утрате счастливого случая, не опускать руки, а находить выходы из безнадежных положений ценится как значительное личностное качество.

Проявление мужества в философском образе жизни столь же многообразно. Мужество выдвигать и отстаивать новые идеи, противостоять критике, принимать на себя ответственность за провозглашаемые ценности, не предавать доверие людей, а ратовать за прогрессивные общественные ориентиры, всегда стоило немало. Современная цивилизованность общества уже не позволяет карать мыслителей, философов, публицистов смертными казнями, сжиганиями на кострах, но замалчивание идей, непечатание книг, невозможность высказать свои позиции через СМИ, угрозы увольнения с работы, абстракции, материальные и моральные унижения во многом чреваты депрессиями, тяжелыми неврозами, реактивными психозами, соматическими болезнями, потерей креативности, отчуждением коллег. Положение изгоя не из лучших, особенно при понимании того, что постоянная готовность некоторых сию минуту лечь принципами под любую сильную власть, – презренна. Смелость не позволит бояться власти, поможет преодолеть собственное бессилие перед ней. Во многом самоотверженная принципиальность профессиональных философов подпитывается героическими примерами прошлого, славными именами Демокрита, Ксенофана, Сократа, Платона, Аристотеля, Д. Бруно, Б. Спинозы, Г. Галилея, Р. Бэкона, Л. Фейербаха, М. Ломоносова, А.Радищева, Н. Чернышевского и многих других.

Вспомним стойкость Сократа на профанированном суде, его утверждение, что нравственная смерть наступает стремительнее, нежели физическая. По его мнению, страх в бою одолевает лишь тот, кто любит свое тело или богатство и почести. Но еще более выдержанно ведут себя те, кто встречает смерть из страха перед еще большим злом, чем смерть: перед позором и последующими страданиями. Он был склонен настаивать на том, что только философы мужественны не из боязни, а ради постижения истины, законов подлинного бытия, жизни в вечном мире идей, освобождения от тленных оболочек духовной приземленности.

Называя Сократа «олицетворением философии», мир помнит его констатацию: быть выше себя – ни что иное, как мудрость, быть ниже – невежество, которое является дьяволом, стремящимся побороть бога – знание [8, с.173–194]. Подчиняясь решению лжесуда, Сократ бесстрашно противопоставлял свое высочайшее нравственное кредо – не уронить себя, сохранить свое лицо, остаться морально и нравственно безупречным в памяти учеников и потомков. На суде он вел себя раскованно, даже дерзко, шутил, ни на секунду не пытался разжалобить судей, унизиться признанием правомерности обвинения во имя сохранения собственной жизни. На инкриминации парировал, что в Аиде за мудрость не казнят, и он воспользуется блаженством беседовать с Гомером, Гесиодом и другими мудрецами. Философ ушел, а человечеству в подарок осталось понятие

«сократовский характер» и заложенное самим его учением и жизнью основы «моральной философии» – как образец мужественной верности своим убеждениям.

Мужественно вел себя на суде и Демокрит, обвиненный в растрате денег из отцовского наследства, в неухоженности усадьбы, в которой его поселил брат после возвращения из многолетнего путешествия. Все перечисленное в то время считалось достаточно серьезным преступлением. Посягательство невежд и глупцов на благородство его жизненных позиций, сомнения по поводу его достоинства и чести, унижение от судебного разбирательства, необходимость доказывать свою добропорядочность не лишили Демокрита самообладания. «Первый энциклопедический ум среди греков» сумел достойно переубедить судебных скептиков, обосновать общественную роль своего жизненного выбора, уверить в значимости открытия одного причинного объяснения, чем овладение персидским престолом. Его речи показались абдеритам столь убедительными, что по решению суда была выделена еще большая сумма на продолжение философских изысканий и завершение книги «Великий Мирострой». Демокрит синтезировал учения западной и восточной мудрости в греческой философии, при чём не побоялся отступить от общепринятых канонов. Неистребимая жажда знаний, преданность науке [1, с.10], уважение к людям физического труда, угнетенным, оценка человека по его личным качествам, способностям, а не по происхождению, пренебрежение к известности и славе – резко выделяли его среди сограждан. Демокритоведение нарекло его прототипом людей науки [1, с. 12]. В дальнейшем жители Абдер сумели осознать значимость его вклада в развитие философии, вычеканив монету его имени и установив прижизненный памятник – медную статую. Прожив более ста лет, почувствовав свою все увеличивающуюся немощь, добровольно ушел из жизни, дабы не обременять других заботами о себе [1, с. 38]. Мужество не оставило его в предсмертный час в решении своей собственной судьбы.

Обращает на себя внимание мужество Платона, трижды ездившего в Сиракузы, дабы просветить тиранов – Дионисиев Старшего и Младшего, что само по себе было крайне опасно. При жизни Дионисия Старшего его миссия была драматической: тиран, осердившись за увещевания, продал философа в рабство. Чудом он оказался на свободе, но несмотря на свой печальный опыт, вновь отправился уже к Дионисию Младшему. Престарелого мыслителя занимали утопические проекты совершенствования рабовладельческого общества и возможность просвещения тиранов во имя благ подданных. Платон мужественно перенес оскорбления, посчитав, что сделал все от него зависящее. И не его вина, что отчуждение и охлаждение между философом и диктатором – единственный результат его многотрудных поездок. Нам же понятно, что это закономерно. Платон был убежден, что «философами становятся избранные», так как они должны всегда и постоянно «действовать во имя истины, ради истины, от имени истины» [6, с. 40]. Ориентир на столь высокий уровень требований говорит о приоритете мужества жить достойно.

Аристотель, как и Платон, считал необходимым и возможным просвещать тиранов. Выступая против тирании, он ратовал за учреждение небольших полисов [3, с. 31 – 32]. Великий экспансивный ум Аристотеля [7, с. 28] ориентировал его на сдержанное ограничение себя в других проявлениях, влечениях, кроме постоянных, кропотливых занятий философией и наукой. После смерти А. Македонского Стагирит подвергался многочисленным агрессивным нападениям. Почувствовав усиление опасности и угрозу своей жизни, бежал из Афин на остров Эвбея, чтобы, как он сказал об этом сам, – не дать афинянам повода еще раз согрешить против философии. Существуют различные точки зрения на его смерть, одна из них: через год после приезда на остров Аристотель покончил жизнь самоубийством, что является, по мнению части исследователей, мужественным и мудрым поступком [6, с. 307 – 308].

Бесстрашным был теоретик человеческого счастья, знаменитый Эпикур. По его мнению, философ поможет человечеству обрести счастье, освободив его от страха перед богами. Несмотря на хулу, стойко придерживался материалистических и атеистических

взглядов, отрицал бессмертие души и загробную жизнь. Прожив достойно и внешне просто, не страшился порицания идейных противников, хотя предвидел инсинуации и в будущем [7, с. 138]. Несмотря на это, призывал юношество, немедля, заниматься философией, не чураться ее и старцам, дабы проявлять постоянную заботу о здоровье души как элементе счастливой жизни. Мимо данных положений его философии не могли спокойно пройти многие. Часто всеми средствами они стремились опорочить его учение, внедряя в сознание общественности, что понятие «эпикурец» и «чревоугодник», «развратник» – синонимы. Недоброжелатели упорно пытались низвергнуть его настояния о счастье людей, наслаждении разумом как цели жизни.

Подлинного восхищения заслуживает жизнь и мужественное служение философии Д. Бруно. Святость философской и научной истин для него непреложна – только они способны разорвать тьму невежества. За них можно и умереть. Он был убежден, что смерть за святую философскую истину, за преданность ей в одном веке дает жизнь во всех последующих веках. На этом он стоял все восемь лет ежедневных допросов, когда инквизиция требовала от него отречения. Жесточайшие пытки палачей, их стремление заставить Ноланца отречься ни к чему не привели и в 1600 году. Этот год был для католической церкви особым: отмечался шестнадцативековый юбилей И. Христа. Для Бруно не от рождения Христа начинается история, – как утверждает католическая церковь, – а от открытия человеком первой истины. Отречение Д. Бруно необходимо было церкви как победа над инакомыслием, в назидание всем верующим и сомневающимся. А он мужественно говорил, «что не должен и не желает отречься, не имеет, от чего отречься, не видит основания для отречения и не знает, от чего отречься». Его уже вели на костер с веревкой на шее к площади Цветов, а шедший рядом священник продолжал уговаривать, что еще не поздно произнести два слова отречения. Ответом было презрение. После этого в его язык вогнали кол, и он взошел к месту казни. Горел он, горели его книги, сложенные у ног, но Д. Бруно не мог и помыслить торговать истиной, позволить себе идти на самоизмену. Через триста лет прогрессивные люди всего мира, собрав деньги, поставили ему памятник на том месте, где горел костер инквизиторов. На пьедестале слова: «Д. Бруно, от века, который он предвидел». Остается порадоваться, что этот век наступил [2].

Для всех этих философов красота и мудрость истины были столь завораживающи, что они не дрогнули перед столь угрожающими испытаниями. Они остались верны своим жизненным позициям, философским принципам, научным открытиям, восторгам творчества. В течении всей жизни не принимали как должное происки зла, всех его уровней и видов, не смиряли перед ним дух, противостояли ему не только в меру своих сил, а чрезмерно превосходя себя, рискуя спокойствием и благополучием. И так – годами и десятилетиями.

Перед лицом опасности мудрейшие вели себя достойно, держась самоотверженно, не теряли контроль над ситуацией и расстановкой сил, всегда помнили о чести, дорожили своим именем. Сила их аргументов и мужественное поведение действовали на сомневающихся безотказно. Нет никаких оснований утверждать, что жизнь профессиональных философов лишена несчастий, бед, унижений, провокаций, преследований, потери здоровья. Но все ли они идут отстаивать истину?! А. Зиновьев неоднократно отмечал, прожив двадцать лет на Западе, что его иностранные коллеги пишут в своих монографиях совсем не то, что высказывают в откровенных беседах. Постоянная боязнь потерять материальные блага, привилегии, «теплые» места, субсидируемые властью, деформировала их души, наполнив их лживой благочестивостью и стойким неуважением своей причастности к великому. Безусловно, нельзя требовать от всех пожизненного поклонения великолепию философии, перманентного служения ее благородным истинам, восхищения очарованием её логики. Но именно она в наибольшей мере сподвигает людей на добродейства и добропорядочность, высокий уровень требований к себе, противостояние тупому и агрессивному невежеству. К глубокому

сожалению, изысканность чувств, праведность стремлений и действий отнюдь не давящие черты человечества, а неодолимая потребность постоянного саморазвития, самовоспитания и самоусовершенствования [5] также не отягощает его жизнь и не является приоритетом.

Великие философы и мудрецы, стремящиеся повысить меру человечности в социальных отношениях, остаются верны высоким человеческим идеалам навсегда. Они выдерживают самый строгий экзамен – мужество жить достойно, мужество жить в веках. Их образ жизни – это служение пассионарной смысложизненной парадигме человечества. В драмах, трагедиях и бедах жизни они не ломались, а находили для себя еще более актуальные смыслы, выходили из катастроф не раздавленными ничтожествами, а людьми, обретшими новые духовные возможности. Возвышаясь над обстоятельствами, они тяготели к морально высшему, становились «тем, чем хотели быть, и остались верными этому своему стремлению до конца жизни» (Гегель).

Каждому историческому времени соответствует свой тип мыслителя с определенным образом жизни, но есть философы – на все времена. Не нужно противопоставлять характеры их бытийных процессов, а сопоставлять, выявляя особую индивидуальность, интеллигентность, творческую одарённость, мужественную линию жизни, их философское бессмертие.

ПЕРЕЧЕНЬ ССЫЛОК

1. Виц Б. Б. Демокрит / Б. Б. Виц. – М. : Мысль, 1979. – 212с.
2. Вороньков А. Джордано Бруно / А. Вороньков // «Неведомый мир». – 2002. – № 6. – С. 19 –24.
3. Зубов В. П. Аристотель / В. П. Зубов. – М.: Из-во Ан СССР, 1963. – 366с.
4. Краткий психологический словарь / Под ред. Петровского А. В., Ярошевского М. Г. – М. : Политиздат, 1985. – 431с.
5. Лозовой В. О., Сідак Л. М. Саморозвиток особистості у філософській рефлексії та соціальній практиці : монографія / В.О. Лозовой, Л.М. Сідак. – Х.: Право, 2006. – 256 с.
6. Лосев А.Ф., Тахо-Годи А. А. Платон. Аристотель /А. Ф. Лосев, А. А. Тахо-Годи. – М.: «Молодая гвардия», 1993. – 383 с.
7. Льюис Дж. Т. Античная философия (от Эвклида до Прокла) / Дж.Т. Льюис. – Минск: Галаксиас, 1998. – 224 с.
8. Таранов П. С. Анатомия мудрости. 120 философов. Жизнь. Судьба. Учение : в 2 т. / П. С. Таранов. – Т.1. – Симферополь: «Реноме», 1997. – 624с.